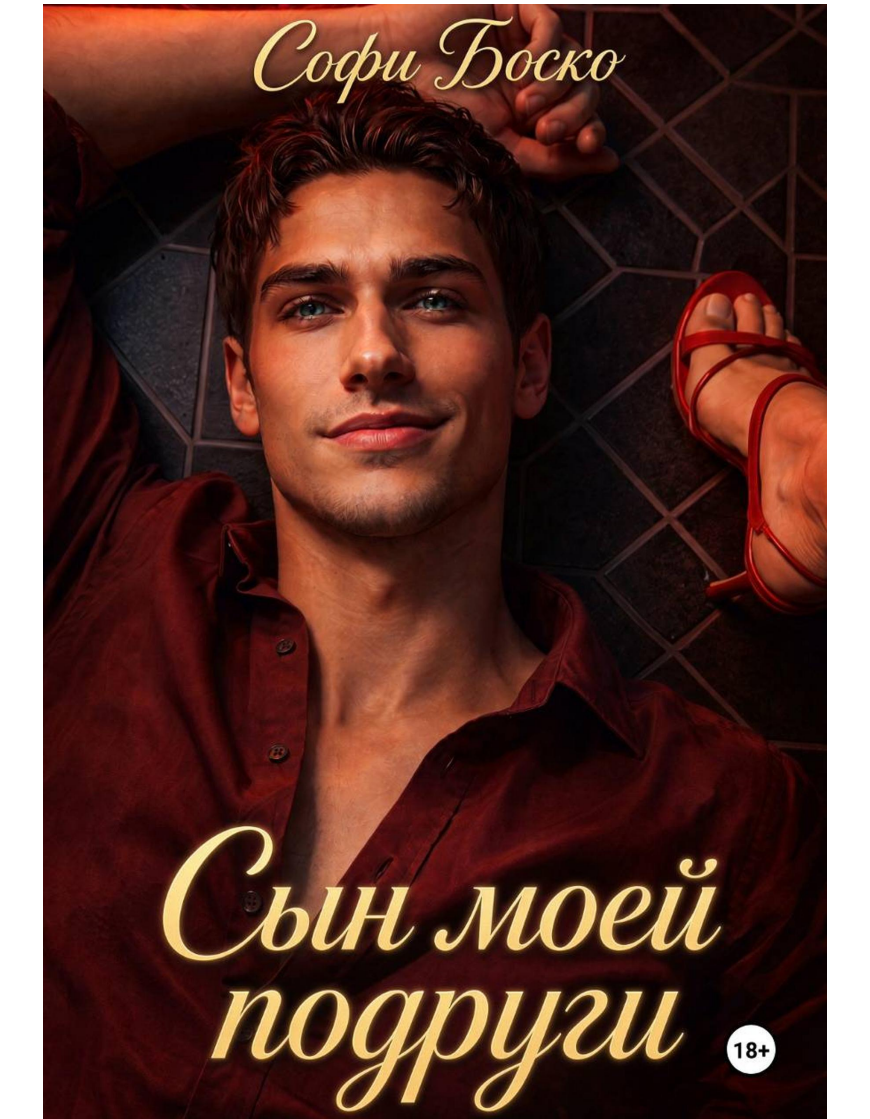

Софи Боско

*Сын моей
подруги*

18+

Софи Боско

Сын моей подруги

<https://litres.ru/74439703>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера приезжает отдохнуть к лучшей подруге на море. В первый же вечер она знакомится в баре с молодым красавцем, а утром обнаруживает, что это сын её подруги.

Теперь ей предстоит скрываться, отбиваться от настойчивых предложений руки и сердца и постоянно выслушивать: «А тебе давление не померить?»

Ирония, жара, море и полное отсутствие тормозов. Кто кого, выяснится не скоро.

В книге присутствуют: распитие алкогольных напитков, откровенные сцены, возрастные подколы на грани фолла и молодой человек, который знает, чего хочет. Автор не рекомендует читать людям без чувства юмора, а также тем, кто считает, что после тридцати жизнь заканчивается. Она только начинается.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	40
Г	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Софи Боско

Сын моей подруги

Глава 1

Голова раскалывалась так, будто внутри черепа поселился отбойный молоток и привёл с собой всю свою шумную родню. Я попыталась дотронуться до пульсирующих висков, но даже это простое движение казалось пыткой. Если честно, в тот момент я была готова приветствовать Апокалипсис — он хотя бы прекратил бы мои страдания раз и навсегда. Во рту стояла такая сухость, будто я всю ночь жевала вату, и язык стал посторонним предметом, который только мешался.

— Так плохо? Подожди, я сейчас схожу за водой. Может быть, тебе сразу таблеточку? — раздался откуда-то сбоку низкий, бархатный, очень красивый мужской голос.

И вот тут мои глаза резко распахнулись. Правда, сначала я инстинктивно схватила что-то мягкое — одеяло — и натянула его до самого носа, словно это могло меня защитить. Только после этого я рискнула сверкнуть взглядом влево. Ох, ничего себе.

— Мальчик, что ты здесь делаешь в моей постели? — выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал строго, хотя получа-

лось скорее испуганно-пискляво.

— Вообще-то это ты, старушечка, лежишь в моей постели, — парировал он с хитрой, почти хищной улыбкой, начиная наползать на меня и стягивать одеяло. — И кое-кто, между прочим, голенький!

Последние слова он сопровождал такой сияющей голливудской улыбкой, что у меня на секунду перехватило дыхание. Парень был безумно красив — глаза то ли бирюзовые, то ли изумрудные, переливающиеся как два драгоценных камня, волосы цвета тёмного каштана, а плечи... плечи просто переливались мышцами, но без этой дурацкой перекаченности, нормальное, живое, сильное тело.

— Тебе хоть сколько лет? — испуганно стрельнула я в него глазами. — Меня посадят, да?

— Только если за то, что заставляешь мужчину ждать, — усмехнулся он.

Я взвизгнула, завернулась в белое одеяло (надо отдать должное, очень мягкое и приятное) и с громким грохотом перекатилась на пол, больно ударившись всеми своими тридцатипятилетними костями. Кое-как, чертыхаясь, я подскочила на ноги, продолжая путаться в этом длинном одеяле и пытаясь прикрыть себя со всех сторон сразу. С кровати тем временем раздался дикий хохот — такой искренний и заразительный, что я, честно говоря, чуть не улыбнулась в ответ, но вовремя одёрнула себя.

Я быстро огляделась и с облегчением поняла, что нахо-

жусь в апартаментах, очень похожих на мои собственные — значит, всё-таки в гостевом домике моей подруги Ирины, а не в каком-то случайном месте.

— Да ладно тебе, господи, мне двадцать пять, я же тебе вчера говорил, — сказал этот Аполлон, закончив смеяться и вытирая выступившие от смеха слёзы.

Я открыла рот, чтобы что-то ответить, и тут до меня дошло — он полностью голый. Потому что одеяло-то я стянула на себя. Да, я сорвала с него одеяло. Я быстро отвела взгляд и заметалась глазами по полу в поисках своей одежды. Вон она, валяется прямо от входа — красное платье «прости Господи», туфли, даже сумочка. Значит, мы раздевались прямо на ходу, едва переступив порог.

Господи, что я натворила? И главное — почему я ничего не помню?

Я смутно вспоминала, как мы с подругой Ириной пошли в какой-то бар, помню барную стойку, коктейли, музыку... Ах да, понимаю: я подцепила этого красавчика прямо у бара. Но что было дальше — полный провал. Тёмная, глубокая воронка в памяти, заполненная только смутными ощущениями удовольствия и тепла.

Я снова начала, как колбаска, переступать к двери, пытаясь на ходу подбирать разбросанную одежду, не выпуская при этом одеяла. Аполлон на кровати снова разразился смехом.

— Прекрати, ты меня убиваешь, давай помогу, — пред-

ложил он, делая движение в мою сторону.

— Нет! — взвизгнула я так пронзительно, что, наверное, разбудила полдома. — Лежите там, где лежите! Оба! — последний выкрик был адресован тому, что находилось у него ниже пояса, потому что я заметила там откровенно живой интерес к происходящему.

— Ну хорошо, мы попытаемся, — протянул он с ленивой, довольной улыбкой, раскидываясь на кровати и закладывая руки за голову — жест, который заставил его мышцы поиграть под кожей. — Но это очень сложно, потому что я помню всё, что было этой ночью. Таких шикарных львиц я ещё не встречал.

В этот самый момент я нагибалась за своими трусиками, и его слова застали меня врасплох — я громко икнула и чуть не потеряла равновесие. А потом меня резко накрыло волной тошноты, такой сильной и внезапной, что я, не думая ни секунды, просто сгребла в охапку всю одежду, что валялась на полу, вместе с сумочкой, и вылетела из апартаментов.

К моему великому облегчению, его дверь была на четвёртом этаже, а моя — на третьем. Я ни о чём не думала, просто рванула вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки и молясь, чтобы никто не вышел в коридор и не увидел это позорище.

По пути я умудрилась достать из сумочки карточку-ключ от своих апартаментов — сама не поняла, как это сделала, на чистом адреналине. Влетев внутрь, я бросила всё прямо

на пол, даже не глядя, скинула с себя проклятое одеяло и рванула в ванную комнату.

Там меня вывернуло наизнанку так, что, казалось, я рассталась со всеми своими внутренностями.

Я сидела на холодном кафельном полу, прижимаясь щекой к унитазу, и пыталась вспомнить хоть что-то. Надо же, я не помню, чтобы заказывала себе такой кошмар из еды. И уж точно я не помню, чтобы сама снимала этого красивого, наглого, смешного парня и притаскивала его к себе. Вернее — к нему.

«Вера, ты идиотка, — сказала я себе мысленно. — Ты идиотка, и тебя посадят. Или того хуже — Ирина узнает. И тогда ты умрёшь от стыда дважды, что чпокалась с почти подростком пускай и двадцатипятилетним».

Я сидела на полу в ванной, прижимаясь щекой к унитазу, и с ужасом понимала, что любая попытка подняться вызывает новый приступ тошноты. Моё тело превратилось в поле битвы, где алкоголь праздновал победу, а я — проигравшая сторона — только и могла, что тихо ненавидеть себя за вчерашнюю глупость.

И в этот момент кто-то постучал в дверь моих апартаментов — три тихих, уверенных стука. Я замерла, прислушиваясь. Потом услышала, как что-то аккуратно просунули снизу, под дверь, и шаги начали удаляться. Никаких «открой», никаких «как ты там» — только лёгкий шорох бумаги по ковровину.

Я подползла на четвереньках к двери, потому что встать действительно не могла, и увидела сложенный вдвое листок. Даже не беря его в руки, склонилась и прочитала:

«Дикая львица, я оставил тебе таблетки и минералочку. Тебе поможет. И посмотри фото и видео в своём телефоне — тебе понравится».

Почерк уверенный, размашистый, мужской. Буквы с лёгким наклоном, словно их писал человек, который привык, что его слушаются.

Я на секунду прижалась ухом к двери, затаив дыхание. Шаги — твёрдые, серьёзные — размеренно удалялись в сторону лестницы. Потом хлопнула входная дверь где-то внизу, и наступила тишина.

Я подождала ещё минуту, прислушиваясь, не вернулся ли он, а потом осторожно приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы высунуть нос и убедиться, что коридор пуст. Прямо на пороге, аккуратно сложенные стопочкой, лежали блистеры с таблетками — какой-то знакомый препарат от головы — и небольшая бутылка минеральной воды с газом.

Я быстро захватила добычу, снова закрылась на щеколду и на четвереньках вернулась в спальню. Таблетку проглотила, запила половиной бутылки, потом вдруг испугалась, что сейчас меня вывернет обратно, но нет, организм удивительным образом принял помощь и начал понемногу успокаиваться, словно благодарный зверь, которого наконец-то перестали мучить.

После этого я, всё ещё стоя на четвереньках, добралась до сумочки, которую бросила у порога сразу после побега. Удивительно, но в таком состоянии я умудрилась ничего не потерять — ключи были на месте, кошелёк, телефон. Даже серёжки, которые я помнила как очень дорогие, оказались в отдельном кармашке.

Я трясущимися пальцами разблокировала телефон и зашла в галерею.

О святые суслики.

Господи, что мы вытворяли?

На фото мы целовались, прижавшись к стене где-то в коридоре. Потом я сидела у него на коленях на диване, что стоял в Гостином холе внизу на первом этаже. Потом... потом я бегала по пляжу абсолютно голая, раскинув руки в стороны, словно хотела обнять всё море разом, а он снимал это на камеру и, судя по звуку, не просто снимал, а ещё и комментировал что-то, но слов я не разбирала, потому что ветер уносил их прочь или потому что я просто не хотела их слышать.

Дальше было ещё несколько видео, которые я листать уже не рискнула — мелькнул кадр скомканных простыней, потом его спина, потом моя растрёпанная голова на подушке. Я резко захлопнула галерею и уставилась в потолок, пытаясь переварить увиденное.

Теперь понятно, почему так болят ноги — бегать по пляжу босиком, да ещё в нетрезвом состоянии, удовольствие сомнительное. И почему все мышцы ноют так, будто я сдава-

ла нормативы ГТО. И почему между ног какая-то непривычная, тянущая боль, которая очень похожа на ту, что бывает после... после очень насыщенной ночи.

Я закрыла лицо руками и простонала что-то нечленораздельное.

Ну и зачем он всё это снимал? На память? Чтобы потом шантажировать? Или просто потому что я сама попросила? Господи, я даже этого не помню!

Телефон дважды коротко дзынькнул, оповещая о новых сообщениях. Я взглянула на экран.

Первое — с неизвестного номера, но я и так догадалась от кого: «Я женюсь на тебе».

Я хрипло рассмеялась — смех вышел какой-то истеричный, с нотками паники и неверия. На ком он там собрался жениться? На полуживой тушке, которая только что отползла от унитаза?

Второе сообщение было от Ирки, моей подруги: «Ты представляешь, мой сын снял какую-то взрослую бабу. Узнаю кто — грохну».

Я резко вздохнула, как ныряльщик перед погружением. Выдохнула, медленно и шумно.

Ну, приплыли.

Глава 2

Ну что, давайте познакомимся. Меня зовут Вера, и я работаю начальником в банке по продаже финансовых продуктов — в основном вклады, сберегательные и накопительные счета. Работа отнимала у меня очень много времени, но не могу сказать, что я этому не рада. У меня был муж, но это случилось давно — пять лет назад мы развелись, и с тех пор как-то всё не складывалось. Ухажёры и любовники, конечно, присутствовали, но если честно, в последнее время я немного разочаровалась в отношениях. Последний год я была сама себе хозяйкой, и постельные приключения меня интересовали всё меньше. Ну, что я могу сказать — иногда, даже раз в месяц, я бываю готова выть на луну в одиночестве.

Периодически я сидела в приложениях для знакомств: посижу, полистаю, разочаруюсь и удалю. Нет, я пыталась ходить на свидания, пыталась найти того самого, единственного и неповторимого, от которого у меня задрожат ноги, но всё было очень кисло и печально. Мужчины моего возраста казались либо уставшими, либо слишком самоуверенными, либо уже разменянными на бывших жён и детей, ну либо совсем не свободными. В общем, не мой вариант.

Ирина — моя подруга, которая давно вышла замуж за русского иностранца (старше её лет на двадцать) — уже лет пятнадцать живёт за границей. Мы с ней всегда поддерживали

контакт, она часто приезжала ко мне, а вот я к ней — никогда. Всё не до этого было. Она всё это время воспитывала своего пасынка — у её мужа был сын от первого брака, мужчина оказался вдовцом. Но, учитывая, что у меня никогда не было детей и как-то не сложилось, я не сильно интересовалась этим пацанчиком. Знала, что он есть, знала, что Ира его любит как родного, но подробностями не интересовалась. Он был для меня просто абстрактным «сыном подружки», не более.

И вот, видя мои мытарства по поводу мужчин, Ирина пригласила меня отдохнуть.

— Вер, ну серьёзно, приезжай, — уговаривала она меня по видеозвонку, попивая какой-то явно вкусный чай и развалившись на мягком диванчике с видом королевы. — Отдохнёшь у меня, в апартаментах тебе ни за что не надо будет платить. Походишь, погреешь свои косточки, позагораешь. А то ты бледная как поганка, на своей работе постоянно, куда ещё не завела?

— Нет, но я близка к этому, — пошутила я, нарезая помидоры в салат.

— Ну вот, ты же говорила, у тебя отпуск и отгулов набралось очень много за переработку. Загранка у тебя организована, пропуска везде есть — вообще не понимаю, зачем тебе все эти документы, если ты никуда не едешь и не отдыхаешь, — продолжала возмущаться подруга.

— Слушай, я постараюсь разрулить все дела на работе,

сама понимаешь, там все как маленькие котятки — без меня ничего не сделают.

— Верка, знаешь, что я думаю? — Ирина сделала театральную паузу, словно собиралась сообщить нечто важное. — Вот ты всё говоришь, что у тебя не получается с твоими взрослыми мужиками...

— Но не всем везёт, как тебе, встретить такого мужчину, при этом симпатичного, хорошего и заботливого, — сразу закатила я глаза, приговаривая это с лёгкой долей сарказма, потому что знала: Ира может обидеться. У нас это уже было, проходили.

— Да ладно, поняла-поняла, — отмахнулась она. — Я к чему. Может, тебе попробовать с кем-то помоложе?

— Насколько помоложе? — я отправила в рот кусочек огурца и продолжила нарезать овощи.

— Ну не знаю. Тебе тридцать пять — может, парню должно быть двадцать восемь или тридцать? — она задумчиво покрутила чашку в руках. — Они такие симпатичные, жаркие ребятушки в этом возрасте. Я вот даже сужу по своему пасынку Антошке, хотя он помоложе. Они совершенно как будто другого края, другое поколение. Такие живые, задорные, с горящими глазами. И знаешь, как они с женщинами...

— Ну может быть, для перепиха я ещё и понимаю — завести себе, не знаю, молодого парня, — я пожала плечами. — Но ты сама как себе это представляешь? Серьёзные отношения с мальчиком, который годится тебе чуть ли не в сы-

новья, ну или в младшие братья?

— Смутно, — призналась Ира, и мы обе захохотали так громко, что я чуть не уронила помидор.

— Вот именно, — сказала я, вытирая слёзы от смеха. — Смутно. Так что оставь эти идеи при себе.

— Ладно-ладно, — она подняла руки в примирительном жесте. — Но на отдых ты всё равно приезжай. Муж уезжает в командировку, я буду скучать. Заодно и повеселимся.

— Подумаю, — ответила я, хотя внутри уже начала сдаваться.

Потому что море, солнце и полное отсутствие обязанностей звучало чертовски заманчиво. Даже несмотря на её дурацкие идеи насчёт молодых парней.

И вот я сижу на роскошной постели в этом красивом приморском городке за рубежом и смотрю на себя в огромное зеркало. Потерла щёки, поправила волосы и ещё раз оценила своё отражение. В принципе, выглядела я очень даже неплохо — для женщины, которая вчера переусердствовала с алкоголем и потеряла несколько часов жизни из памяти.

Я никогда не была худой и никогда не была очень пышной. У меня самая обычная фигура: пышная грудь, не самая тонкая талия и довольно показательные бёдра, которые выдавали во мне любительницу вкусно поесть. Волосы обычные, коричневые, без всяких там навороченных причёсок и мелирований, глаза серые. В общем, самая обычная дама, каких тысячи. Немножко сгоревшая, правда, потому что в пер-

вый же день переусердствовала на солнце — не привыкла я к такому яркому, ласковому, но коварному светилу. Кожа покраснела, кое-где начала шелушиться, и я выглядела как помидорка, которую забыли в огороде.

Но это, как оказалось, совершенно не помешало мне тереться всю ночь с каким-то мужиком. Вернее, не с мужиком даже, а с парнем — маленьким парнем. Ну, он большой по размеру, но по возрасту маленький. Двадцать пять лет — это же ещё детский сад, штаны на лямках. Я встала, скинула с себя халат и начала вертеться перед зеркалом, поворачиваясь то одним боком, то другим, внимательно осматривая себя со всех сторон. Нет, я, конечно, понимаю, что мужчины думают одним местом и в постели им главное — процесс, а не возраст партнёрши. Но всё же.

Я вспомнила, какие здесь ходят молодые девушки — стройные, загорелые, с идеальными телами и длинными ногами, — и искренне не понимала, почему этот красивый парень выбрал именно меня, холодец на ножках. Неужели у него нет вариантов получше? Может, это он так надо мной стебался? Может, заключил с кем-то пари на спор? Типа «уложу в постель старушку за вечер»?

Внутри заскребло неприятное чувство неуверенности, которое я так ненавидела. Я отогнала его прочь, но осадок остался.

В этот момент телефон снова дзынькнул, оповещая о новом сообщении. Я взяла его в руки и увидела, что в мессен-

джере опять появилась весточка от незнакомого номера — того самого, который прислал мне утром «Я женюсь на тебе». На этот раз он отправил фотографию. Я не успела её открыть, как пришло ещё одно сообщение: «Дружок скучает по Анфисочке». Вот ей богу, я сначала подумала, что если открою фотографию, то увижу щенка или котёнка — Анфисочка же явно какое-то ласковое имя для зверька. Может, этот человек просто что-то перепутал и пытается показать мне свою крысочку или хомячка?

Я открыла сообщение.

Это был не щенок.

Мне прислали дикпик. Класс. На сайтах знакомств мне их не хватало, теперь вот и в мессенджере подвезли. Надо же, он даже ракурс выбрал такой симпатичный — всё достоинства, все изгибы и выпуклости были подчёркнуты просто шикарно, словно он позировал для обложки мужского журнала. Я почувствовала, как кровь приливает к лицу, и поймала себя на мысли, что мне стало очень жарко. Несмотря на то, что у меня до сих пор был жуткий отходняк и я вроде как даже поспала несколько часов, у меня внутри всё сжалось, а потом сладко потянуло где-то внизу живота. Я чувствовала себя так, будто по мне проехался Камаз — и, если этот Камаз был вот с таким агрегатом, то всё становилось вполне объяснимо.

Номер всё ещё был онлайн. Он что, ждёт, что я ему отвечу? Да ну его. Но меня мучил другой вопрос — откуда у

него мой номер телефона? Я не давала его никакому парню в баре, я вообще почти ничего не помнила.

Я записала голосовое сообщение, стараясь, чтобы голос звучал как можно более равнодушно и даже немного раздражённо: «Откуда у тебя мой номер?» — и отправила. Он тут же начал записывать ответ, но я демонстративно бросила телефон на кровать и отвернулась. Не буду слушать. Не хочу. Мне вообще плевать.

Так, ладно, нужно привести себя в порядок, сходить в душ, смыть с себя этот кошмар и остатки вчерашнего вечера. Я уже потянулась к халату, как вдруг входная дверь с грохотом распахнулась, и в номер ворвалась моя подруга Ирка.

Если честно, я была уверена, что собака Баскервильей выглядит менее злобно, чем моя Ирка в этот момент. Она буквально пылала, глаза метали молнии, а челюсть была напряжена так, что я услышала, как скрипят зубы. Неужели она всё узнала? Неужели кто-то ей рассказал про меня и её сына? Вернее я осмелилась предположить, что это был её сын, и молилась, что бы это была ошибка. И теперь она пришла меня убивать?

Я замаялась, начала переминаясь с ноги на ногу и что-то невнятно заблеяла в надежде смягчить её гнев:

— Ирусь... я могу всё объяснить...

Она посмотрела на меня так злобно, что я поняла — всё, мне хана. Приехали. Сейчас будет скандал, битёе посуды, может быть даже мордобой. Я приготовилась защищаться.

И как назло, в этот самый момент на моём телефоне, который валялся на кровати, пришло ещё одно сообщение. Я бросила быстрый взгляд на экран — и увидела эмодзи с фотографией. Опять. Он что, совсем берега попутал?

Ирка перехватила мой взгляд и тоже посмотрела на телефон. Я поняла, что сейчас начнётся самое страшное — расспросы. А я не готова была врать подруге. И не готова была говорить правду.

— Это что? — спросила она, кивая на телефон. — Кто тебе пишет?

— Никто, — слишком быстро ответила я. — Спам.

Она прищурилась, явно не поверив, но пока решила не лезть.

— Вера, — сказала она очень спокойным и от этого ещё более страшным голосом. — Мы сейчас с тобой поговорим. Очень серьёзно. Садись.

Я покорно опустилась на край кровати, надевая халат и чувствуя себя нашкодившей школьницей перед вызовом к директору. А телефон всё продолжал противно зудеть, привлекая к себе внимание — одно сообщение за другим.

Я мысленно прокляла тот вечер, тот бар, ту клубнику с шампанским и особенно этого наглого молодого бога с изумрудными глазами, который умудрился влезть в мою жизнь и перевернуть её вверх дном.

Глава 3

Ирина как фурия смотрела на телефон, который продолжал подзывать и вибрировать. Я же уже завязала халат и смотрела на неё выжидающе, чувствуя, как внутри всё сжимается от напряжения.

— Ты хоть знаешь, как я за тебя вчера переживала? — медленно, как хищница, она подошла к кровати и взяла телефон в руки.

Мне кажется, у меня в этот момент волосы зашевелились. Причём везде.

— Ты про то, что я вчера не дождалась тебя? — мой голос прозвучал виновато и немного дрожал. — Извини, Ир, я очень виновата. У меня есть объяснение.

Она резко отвлеклась от телефона и повернулась ко мне. Я с облегчением заметила, что она уже не была такой злой, как минуту назад, — скорее обеспокоенной и уставшей. Под глазами залегли тени, и я поняла, что она действительно не спала ночь, переживая за меня.

— Вер, понимаешь, — начала она, — несмотря на то что здесь очень хороший район и в целом спокойно, всё равно на туристов иногда нападают. А женщины-туристки — это лакомый кусочек для местных мужчин. Ты представляешь? Я ушла буквально на двадцать минут — потрещать с мужем, который мне звонил, — а ты уже куда-то исчезла. Да я всех

подняла на уши! Все вокруг так странно улыбались и отворачивались, особенно те знакомые, которые работают в этом баре. Я уж подумала, что тебя увели прямо у меня из-под носа и продают на невольничьем рынке.

— Ир, прости, пожалуйста, — я подошла к ней и погладила её по плечам, чувствуя, как напряжены её мышцы. — Я ещё раз говорю — я могу всё объяснить.

Я видела, что она на самом деле была обеспокоена. Ну и дурочка же я, кто ж знал, что алкоголь в том баре окажется таким ядрёным? Ей-богу, это какое-то ракетное топливо там подавали, а не алкашку.

В этот момент телефон снова дзынькнул.

Мы обе повернули головы в его сторону в руке Ирки.

— Кто такая Анфисочка? — задумчиво спросила Ира, видимо, выхватив взглядом какое-то слово из сообщения, которое всплыло на экране. После она бросила телефон на кровать.

Я покраснела. Покраснела так, что, наверное, стала похожа на помидор.

— Э-э-э... — протянула я, лихорадочно соображая, что ответить. — Я потом всё объясню. Как видишь, со мной всё хорошо. История пройденная.

— Так, ладно, — вздохнула Ирина, немного расслабляясь. — Хорошо бы только с тобой эта история была. Ты представляешь, у меня вчера приехал мой пасынок, наш сыночек Антоша. Он сейчас живёт в России, работает там, уже несколь-

ко лет, вообще молодец. Я хотела тебя с ним познакомить, а он вчера пришёл в тот же клуб и, пока я разговаривала с его отцом по телефону, умудрился снять какую-то женщину почти пятидесяти лет. Представляешь? Снял и уехал с ней. Мне об этом сообщили те же самые люди, у которых я спрашивала про тебя. То есть ты пропала, он пропал с какой-то непонятной тёткой. Я же к нему вчера вечером приехала в апартаменты — он здесь, на четвёртом этаже, тоже в апартаментах живёт.

На этих словах я сглотнула.

Медленно, очень медленно до меня начало доходить. Тот, с кем я провела эту безумную ночь, тот, кто называл меня львицей, тот, кто прислал мне фотографию своего «Дружка» и слал сообщения про мою «Анфисочку», — это был её паsyнок Антон. Сын моей лучшей подруги.

Господи, какой стыд. Какой позор.

И почему она сказала «почти пятидесяти»? Мне всего лишь тридцать пять! Чёрт возьми! Но, видимо, для Антона возраст не имел значения. Или имел? Или он просто развлекался

— Почти пятидесяти? — переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Ты уверена?

— Так сказали, — пожала плечами Ирина. — Я сама не видела. Но мне передали, что женщина взрослая, фигуристая. И, судя по описанию, очень даже ничего.

— И что теперь? — осторожно спросила я.

— Ну слушай, я к нему сначала приезжала ещё ночью, — продолжала Ирина, сверкая глазами. — Думала, зайду, эту шалаву выдерну у него из апартаментов, за волосы оттаскаю и выпну, чтобы моего сыночку-корзиночку не портила тут.

Я от этих слов втянула голову в плечи, словно ожидала, что её гнев обрушится на меня прямо сейчас. Хорошо, что она хотя бы не знала, что этой «шалавой» была я.

— Так нашла? — осторожно спросила я, понимая, что мне невероятно повезло. Но где же я тогда была, если она приезжала к нему ночью?

— Слушай, не нашла, — Ирина досадливо махнула рукой. — Видно было, что постель смята, явно там что-то творилось, но никого уже не было. И одежды тоже. Наверное, ушли куда-то, может, гулять, может, на море.

Я вздохнула с облегчением, потому что мы действительно ушли гулять на пляж. И это подтверждало видео, которое снял её сыночка-корзиночка — то есть Антон. У меня аж в ушах зазвенело от осознания, как близко мы были к разоблачению.

— Ну а потом я к нему ещё и утром заходила, недавно, — продолжила Ирина, садясь на край кровати. — Явно разминулась с этой клушей его. Но ты бы видела его! Он как кот лежит, облизывается, весь довольный, счастливый. Сразу по нему видно, что ночь была очень хорошей. На трахитибидохи знатной, — она хитро прищурилась и показала большой палец вверх, изображая саркастическое одобрение. — И ещё

заявил, что встретил любовь всей своей жизни и будет жениться. Класс, да?

— Обалденно, ничего не скажешь, — задумчиво произнесла я, чувствуя, как внутри всё переворачивается от смеси стыда, страха и какого-то дикого, запретного восторга.

В этот момент мой телефон снова продзынькал. Ирина резко повернулась в его сторону.

— Да кто тебе там всё время напisyвает? — спросила она с подозрением.

Я лихорадочно соображала, что сказать.

— Да это... в общем... я вчера ушла из бара с одним мужчиной, — выпалила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более небрежно. — Со взрослым. Такой классный, с усами. Обстоятельный, обходительный. А я лишнего выпила, ну и... в общем, мы провели всю ночь вместе. И теперь вот это он мне пишет. Дикпики свои присылает и всё такое.

Ирина посмотрела на меня скептически, скорчив лицо так, будто говорила: «Не верю ни единому твоему слову».

— Взрослый мужчина — и дикпики? — переспросила она и резко двинулась в сторону телефона. — Покажи-ка.

У меня резко отлила кровь от лица. Я прямо физически почувствовала этот холодный отлив, понимая, какой ужас сейчас может произойти. Если она узнает, что эти сообщения не от какого-то усатого мужика, а от её Антошки, — она мне этого никогда не простит. Я кинулась на кровать, как пловец на старте, схватила телефон и прижала его к груди.

— Там не только фотки его достоинства, — быстро сказала я, чувствуя, как горят щёки. — Я ещё свои фотографии ему кидала. Так что ты уж извини, но пока не покажу.

— Да ладно? — Ирина выгнула бровь. — Ты и эротические фотографии? Это что-то несовместимое!

— Почему это несовместимое? — обиделась я.

— Ну ты такая... вся такая... не знаю, — она замялась, подбирая слова. — Ангелок, если честно. Ну уж никак не бестия, которая будет себя фотографировать в разных позах и ракурсах. Если честно, уж лучше бы мой Антоша снял тебя вчера и привёз к себе, чем какую-то другую бабу пятидесяти лет!

Я поперхнулась воздухом, но сдержалась.

— Ладно, всё, поняла я тебя, — Ирина махнула рукой и направилась к выходу. — Давай собирайся, пойдём завтракать, а потом отлёживаться на пляж. Там и расскажешь мне про своего усатого.

Она вышла, бросив на меня напоследок очень подозрительный взгляд, будто не верила ни одному моему слову, но решила пока не давить. Дверь закрылась, и я осталась сидеть на кровати как раздавленная трактором.

Я взяла телефон и открыла переписку с Антоном. Он всё это время издевался, прекрасно зная, что его мама сейчас у меня. Сообщения сыпались одно за другим: «Моя мама у тебя, дорогая львица, она сейчас, наверное, тебя разносит», «Она подозревает, что это мы с тобой вместе уехали», «Как я

тебе, бедный, несчастный, совращённый пятидесятилетней женщиной».

Почему пятидесятилетней? Я искренне не понимала. Я, конечно, уважаю женщин в пятьдесят, среди них много красивых, сексуальных, ухоженных барышень. Но почему мне дали пятьдесят?! Мне всего тридцать пять, чёрт возьми!

А ещё он периодически присылал фотографии своего достоинства. Причём в самых неожиданных местах — за рулём, в магазине, на фоне какого-то фонтана. Когда все и успел? Я невольно усмехнулась, понимая, что он просто чокнутый. Но этот чокнутый каким-то невероятным образом начинал мне нравиться. Сильно. До дрожи в коленях.

Последнее сообщение гласило: «Львица, сегодня в восемь внизу в холле. Я хочу тебя видеть. Приходи. Пожалуйста».

Я прочитала его несколько раз, чувствуя, как внутри поднимается какая-то тёплая, опасная волна. На секунду у меня даже мелькнуло желание сфотографировать себя голой и отправить ему — просто чтобы он знал, кто тут настоящая львица. Я не знаю, откуда это взялось, но оно было. Но я вовремя одёрнула себя.

Положила телефон на тумбочку, решив не отвечать. Мне нужно было привести себя в порядок, пойти в душ, смыть с себя этот наваждение. Хотя бы на время.

Но я уже знала, что вечером, скорее всего, пойду. И это было страшнее всего.

Глава 4

После того как Ирина вышла, я ещё несколько минут просидела на кровати, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. В голове смешались страх, стыд и какое-то запретное, щекочущее нервы возбуждение. Антон, его сообщения, его наглые фотографии, его слова о женитьбе — всё это накрывало меня с головой, лишая способности здраво мыслить. Но нужно было брать себя в руки, потому что через полчаса меня ждал завтрак с Ириной, и я не могла позволить себе выглядеть подозрительно.

Я быстро приняла освежающий душ, смывая остатки вчерашнего вечера и сегодняшнего безумного полудня. Вода текла по телу, унося с собой напряжение, но не могла смыть главное — воспоминания о его руках, его поцелуях, его шёпоте на ухо, которые как назло начали вспыхивать в голове. Я выключила воду, завернулась в полотенце и посмотрела на себя в зеркало. Мои серые глаза блестели, на щеках играл румянец. Я выглядела... счастливой. И это пугало больше всего.

Я надела лёгкое льняное платье, собрала волосы в небрежный пучок, оставив несколько кудрявых прядей обрамлять лицо, и спустилась вниз. Ирина уже ждала меня на веранде, попивая кофе и листая какой-то местный журнал. Увидев меня, она отложила чтение и пристально посмотрела на

меня своими цепкими глазами.

— Освежилась? — спросила она с лёгкой усмешкой.

— Более чем, — я постаралась улыбнуться как можно беззаботнее. — Как ты?

— А я, знаешь ли, всё удрючена, — призналась она, подвигая ко мне чашку с горячим кофе. — Переживала за тебя, потом ещё этот балбес Антон со своей ночной пассией. Но сейчас уже ничего, отошла немного.

Завтрак прошёл на удивление мирно. Ирина больше не допрашивала меня о вчерашнем, только изредка бросала короткие, но внимательные взгляды, от которых мне хотелось спрятаться под стол. Я рассказывала ей о работе, о своих планах на отпуск, о том, как давно мечтала никуда не спешить и просто лежать на пляже с книгой в руках. Она поддакивала, смеялась, но я чувствовала, что внутри неё всё ещё сидело подозрение. Она была женщиной умной и очень наблюдательной, и меня удивляло, как ей до сих пор не пришло в голову, что вчерашняя «ночная баба» её сына и пропавшая подруга — одно и то же лицо.

После завтрака мы переоделись в купальники, захватили полотенца, крем от загара и отправились на пляж. Это был частный пляж гостевого дома — ухоженный, с белым мелким песком, который приятно хрустел под ногами, и бирюзовой водой, такой прозрачной, что на глубине виднелись стайки маленьких рыбок. Мы устроились на шезлонгах, намазались кремом и блаженно вытянулись, глядя на бесконечную

синеву моря.

— Знаешь, — мечтательно протянула Ирина, надевая солнцезащитные очки, — я иногда думаю, что зря мы с мужем переехали сюда. Скучаю по России, по снегу, по настоящей зиме. Но потом выхожу на такой пляж и понимаю — нет, всё правильно.

— А я по тебе скучала, — призналась я, поворачивая голову в её сторону. — Ты так редко приезжала в последнее время.

— Дела, — вздохнула она. — Антон, муж, бизнес. Сама знаешь.

Мы замолчали, наслаждаясь тишиной и теплом. Волны накатывали на берег с размеренным, убаюкивающим ритмом. Я почти закрыла глаза, когда услышала приближающиеся шаги по песку. Кто-то быстрым, деловым шагом направлялся в нашу сторону.

— Ирина, — раздался молодой голос, — извините, что отвлекаю.

Я приоткрыла один глаз и увидела парня в форме обслуживающего персонала. Он улыбался, но в его улыбке было что-то смущённое и одновременно восторженное, будто он собирался рассказать невероятную историю, которую сам едва мог осмыслить.

— Что там у тебя? — спросила Ирина, даже не приподнимая очки.

— Да вот, — парень переступил с ноги на ногу, — я по по-

воду ночного инцидента. Система видеонаблюдения зафиксировала ещё кое-что. Мы не хотели вас беспокоить, но подумали, что вы должны знать.

— Рассказывай, — Ирина села на шезлонге и сдвинула очки на лоб, внимательно глядя на парня.

Я тоже приподнялась на локте, придерживая книгу, которую так и не начала читать, чувствуя, как внутри снова зашевелился холодок страха. Парень посмотрел на меня, потом на Ирину и, не скрывая улыбки, начал:

— Ночью, примерно в час, камеры зафиксировали на пляже женщину. Она выбежала абсолютно голая, — парень покраснел, но продолжил, — и начала танцевать у кромки воды. Она пела какие-то русские песни, очень громко и очень... душевно, я бы сказал. А рядом с ней бегал мужчина. Тоже, кстати, без ничего, если уж говорить честно.

Ирина нахмурилась.

— И что они делали?

— Ну, — парень замялся, подбирая слова, — женщина танцевала и пела, а он её догонял, обнимал, они вместе падали в воду, потом снова бежали по пляжу. Она хохотала так, что эхо по всему берегу разносилось, а он её целовал, подхватывал на руки, кружил. Выглядели они... — он задумался на секунду, — очень счастливыми. Как будто влюблённые подростки, у которых весь мир завертелся вокруг друг друга.

Ирина перевела взгляд на меня. Я сделала вид, что меня внезапно заинтересовала книга, которую я взяла с собой, —

уткнулась в неё и даже начала переворачивать страницы, хотя не разобрала ни одного слова. Мои щёки пылали, но я надеялась, что загар скроет румянец.

— И что, никто не знает, кто это был? — спросила Ирина строго.

— Нет, лица камеры, к сожалению, не разобрали, — ответил парень, всё ещё улыбаясь. — Мы, конечно, можем подключить все камеры и отследить...

— Не надо, — резко оборвала его Ирина, и я вздохнула с облегчением. — Не хочу я эту грязь выносить на публику. Найдутся ещё желающие — разберёмся. Иди работай.

Парень кивнул и быстро ушёл, явно довольный тем, что отделался лёгким испугом и даже смог повеселить начальницу этой безумной историей.

— Ну и нравы тут у вас, — пробормотала я, не поднимая головы от книги.

— Нравы везде одинаковые, — усмехнулась Ирина, снова натягивая очки на глаза. — Просто кто-то умеет веселиться, а кто-то нет.

Мы снова замолчали.

Я лежала, слушала шум прибоя и чувствовала, как внутри меня всё переворачивается от осознания, что той самой голой танцовщицей была я. А этот счастливый мужчина, бегавший за мной по пляжу — Антон. И его мать, моя лучшая подруга, сейчас лежит рядом и понятия не имеет, что эти двое — мы с её сыном.

— Вер, — вдруг позвала Ирина, — а ты когда-нибудь была такой безбашенной?

— В каком смысле? — осторожно спросила я.

— Ну, чтобы среди ночи раздеться догола, бегать по пляжу, петь песни и чувствовать себя самой счастливой на свете?

Я задумалась. По правде говоря — никогда. Я всегда была ответственной, серьёзной, «правильной» девочкой. А тут вдруг — словно прорвало плотину. И причина была только одна.

— Думаю, для этого нужен особый человек рядом, — тихо ответила я. — Такой, с которым стыд и страх отступают.

Ирина повернула голову и посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом.

— Ты права, — сказала она и снова отвернулась к морю. — Особый человек. Такое редко встречается.

Я снова уткнулась в книгу, чувствуя, как внутри поднимается тёплая волна. Она права. Такое действительно редко встречается. Может быть, один раз в жизни. И упускать это нельзя — даже если этот «особый человек» всего лишь мальчишка, который годится мне почти в сыновья и почему-то называет меня пятидесятилетней женщиной.

Солнце начало припекать так, что даже лёгкий бриз с моря не спасал от ощущения, будто тебя медленно запекают в духовке. Ирина первой засобиралась в номер — ей нужно было ответить на какие-то рабочие звонки, а я решила, что

тоже не помешает слегка освежиться.

— Я быстро, — сказала я, поднимаясь и отряхивая песок с полотенца. — Сполоснусь и приду к тебе.

— Давай, — кивнула Ирина, уже надевая лёгкий халатик поверх купальника. — Я, наверное, задержусь — эти козявки с работы меня доконают.

Я махнула ей рукой и направилась к корпусу. Песок приятно прогревал ступни, ветер играл с подолом моей лёгкой туники, и я чувствовала себя почти счастливой — не считая того, что внутри меня жило постоянное, ноющее напряжение в ожидании вечера и обещанной встречи с Антоном.

Апартаменты встретили меня прохладой кондиционера и тишиной. Я скинула тунику, расстегнула купальник и зашла в душ. Вода была приятно прохладной, она смывала солёную морскую соль, остатки крема для загара и усталость, накопившуюся за этот безумный день. Я стояла под струями воды, закрыв глаза, и пыталась не думать о вечере и проблемах.

Когда я выключила воду и вытерлась полотенцем, то даже не сразу поняла, что в комнате что-то изменилось. Просто натянула халат, рассеянно завязала пояс и вышла из ванной, вытирая волосы вторым полотенцем.

Антон лежал на моей кровати.

Голый.

Совершенно, абсолютно, неприлично голый, раскинувшись на покрывале с видом античного бога, которого случайно занесло в этот мир, чтобы смущать покой скромных

тридцатипятилетних женщин. Его руки были закинута за голову, что делало его широкие плечи ещё более внушительными, а мышцы пресса — более выразительными. Он улыбался широченной улыбкой, от которой у меня внутри запели котятки.

— Ты... — только и смогла выдавить я. — Как ты здесь оказался?

— Дверь была открыта, — ответил он, не двигаясь с места и не сводя с меня горящих изумрудных глаз. — Ты, наверное, забыла запереть. Или подсознательно ждала меня. Как думаешь, львица?

— Я думаю, что тебе нужно уйти, — сказала я, стараясь придать голосу твёрдость, но вышло как-то пискляво и совсем неубедительно. — Ира может прийти в любую минуту.

— Нет, — он приподнялся на локте, и я заметила, как его взгляд медленно скользит по моей фигуре, обтянутой халатом. — Она на час минимум занята. Я проверил.

— Ты проверил? — я нервно сглотнула.

— Я не хотел ждать до вечера, — просто сказал он, вставая с кровати. Высокий, обнажённый, совершенно не стесняющийся своей наготы. — Я хочу тебя, Вера. Сейчас и сильно. Ну-ка, если давление у тебя в норме, то раздвигай свои красивые ляшечки.

А потом он набросился на меня.

Не грубо, нет. Аккуратно, но с такой решительностью, что я даже не успела ни испугаться, ни оттолкнуть его. Он под-

хватил меня на руки — я пискнула от неожиданности — и перенёс на кровать, мягко, но настойчиво укладывая на спину. Мои попытки возмутиться утонули в его поцелуях. Он целовал меня жадно, глубоко, проникая языком и заставляя моё тело отвечать на эту ласку вопреки всем доводам рассудка.

— Ты пахнешь как море, — прошептал он, спускаясь губами к моей шее. — И как цветы. И как моя женщина.

— Я не твоя женщина, — возразила я, но получилось как-то слабо и неубедительно, особенно когда он прикусил кожу на шее и тут же зализал это место языком. По телу разлилась горячая волна, и я не сдержала тихого стога.

— Будешь, — пообещал он, продолжая целовать мою шею, спускаясь ниже, к ключицам. Халат уже был раскрыт и сполз с плеч, и я даже не заметила, когда это произошло. — Я терпеливый. Я подожду. Но не сегодня. Сегодня ты моя.

— Антон, — выдохнула я, запуская пальцы в его волосы. Он вдруг отстранился, сел на кровати и взял мою ногу в свои руки. Я замерла, не понимая, что он задумал. А он медленно, почти торжественно, поднёс мою ступню к губам и поцеловал. Я ахнула. Потом поцеловал каждый пальчик на ноге, аккуратно, с какой-то невероятной нежностью, обводя языком каждый изгиб. Я почувствовала, как по телу пробегает электрическая дрожь от пяток до самых корней волос.

— Ты что... — прошептала я, чувствуя, как голос садится от напряжения.

— Я делаю то, что должен делать мужчина, который на тебе женится, — спокойно ответил он, переходя к другой ноге. — Я изучаю тебя. Каждую клеточку. Каждый миллиметр. Чтобы потом никто не мог сказать, что я недостаточно стараюсь.

Он лизал мои пальцы, целовал подъём, прикусывал пятки, а мои глаза закатывались, и я не знала, куда деть руки от этого дикого, всепоглощающего возбуждения. Я никогда раньше не думала, что ступни могут быть настолько эрогенной зоной, но он доказал обратное. Каждое прикосновение его языка отдавалось пульсацией где-то глубоко внутри, и я уже не просто хотела — я требовала продолжения.

— Антон, хватит, я сейчас... — простонала я.

— Не хватит, — отрезал он, но всё же оторвался от моих ног и поднялся, нависая надо мной. Его глаза потемнели и горели как два изумрудных уголька. — Будешь терпеть. Тебе понравится.

Он задрал мои ноги высоко, почти к самым плечам, и я внутренне сжалась, подумав, что сейчас начнутся страдания. Всё-таки моя растяжка оставляла желать лучшего — годы сидячей работы в банке делали своё дело. Я подумала, что сейчас будет больно, что он не войдёт, слишком большой, что мне придётся краснеть и оправдываться за свою неподготовленность.

Я ошиблась.

Он вошёл легко, но туго — словно моё тело само подстро-

илось под его размер, словно оно помнило его с прошлой ночи и соскучилось. Я выдохнула, он замер, давая мне привыкнуть, и я почувствовала, как напряжение отпускает, сменяясь восхитительной полнотой. Никакой смазки не понадобилось — природа оказалась мудрее любых флакончиков.

— Видишь? — прошептал он, начиная медленно двигаться. — Мы созданы друг для друга. Идеально. До миллиметра.

— Ты... невыносим... — простонала я, пытаюсь выгибаясь навстречу.

Он двигался ритмично, глубоко, одновременно поднимая и целуя мои ноги — то щиколотки, то икры, то колени. Он облизывал мою кожу, покусывал, шептал пошлости, от которых мои щёки горели не хуже, чем остальные части тела.

— Ты даже не представляешь, львица, как я представлял тебя сегодня, — говорил он между движениями. — На этом пляже. В этой постели. В душе. Ты преследуешь меня, даже когда тебя нет рядом.

— О... я думала о тебе, да, еще, — призналась я тихо.

Он продолжал целовать мои ноги, не переставая двигаться, и это было странное, невероятное сочетание — нежность к моим ступням и жёсткость в самом главном. Я то смеялась от щекотки, то стонала от удовольствия, то ругалась на него за его бесконечные подколы про мой возраст.

— Тебе не тяжело, старушка? — спросил он с усмешкой, проникая особенно глубоко.

— А тебе не... трудно, юнец? — выдохнула я в ответ.

— Как видишь, ни капли, — он ускорился, и я почувствовала, что близка к разрядке. — Кончай, львица.

И я кончила — громко, с выкриком его имени, который он заглушил поцелуем. Он кончил следом, зарывав мне в губы что-то нечленораздельное, и рухнул рядом, тяжело дыша и обнимая меня за талию.

Мы лежали так несколько минут — потные, счастливые, абсолютно опустошённые и одновременно переполненные друг другом. Я чувствовала, как болит всё тело — мышцы ныли, суставы ныли, даже волосы, казалось, ныли. Но это была приятная боль — та, что напоминает о хорошо прожитом моменте.

— Ты будешь хромать завтра, — заметил он, глядя меня по животу. — Растяжка у тебя, конечно, та ещё.

— А ты будешь с фингалом, если не заткнёшься, — огрызнулась я, но без злобы.

Он засмеялся — громко, заразительно, запрокидывая голову. И я не смогла сдержать улыбки.

— До вечера, львица, — сказал он, вставая и натягивая джинсы прямо на голое тело. — Я буду ждать.

— А если я не приду? — спросила я, кутаясь в простыню и наблюдая, как он одевается.

— Придёшь, — он подмигнул. — Ты же не хочешь, чтобы я при всех закричал на пляже, что люблю тебя?

— Только попробуй! — возмутилась я, швыряя в него по-

душкой.

Он поймал её, поцеловал и бросил обратно.

— В восемь, — повторил он.

Но перед тем как он успел выйти, я села на кровати, прижимая простыню к груди, и выпалила:

— Антон, мы же не предохранялись!

Голос мой дрожал от внезапного осознания того, что мы оба в этом безумии совершенно потеряли голову. Я, взрослая женщина, начальник отдела в банке, ответственная за чужие сбережения, — и тут такое. Забыла про самое главное. Дважды. Сначала ночью, когда была пьяна в стельку, а теперь — днём, когда была трезва как стёклышко, но тоже, видимо, не в себе.

Антон остановился уже на пороге, обернулся и посмотрел на меня с таким выражением, будто я сморозила глупость мирового масштаба. Его изумрудные глаза весело блеснули, а губы растянулись в улыбке, от которой у меня прошло возбуждение даже сейчас, когда я сидела в скомканной простыне с растрёпанными волосами и явно не в своей тарелке.

— Зачем? — спросил он, как будто ничего более очевидного в мире не существовало. — У тебя же климакс!

И, беззаботно рассмеявшись, он выскользнул за дверь, оставив меня одну обалдевать от того, что он только что сказал.

Вот же гад!

Глава 5

Конечно же, я долго возмущалась, сидела и пыхтела, сложив руки замочком прямо как ёжик, который вот-вот выпустит иголки. Прямо как разозлённый опоссум, ей-богу. Если бы Антон сейчас был рядом, я бы его загрызла — честное слово, загрызла бы и не подавилась. Климас! Надо же такое было сказать. Сейчас женщины в каком только возрасте не рожают. Вон у меня несколько знакомых после сорока ещё по ребёночку родили, и ничего, справляются, даже радуются жизни.

Я несколько раз порывалась ему позвонить или написать — брала телефон, печатала или говорила сообщение, перечитывала, злилась ещё больше и всё удаляла. Потому что всё, что я хотела ему сказать, звучало либо как истерика, либо как оправдание, а ни того, ни другого я ему показывать не собиралась.

Но потом он прислал голосовое сообщение. Я, конечно, сделала вид, что не хочу его слушать, даже телефон перевернула экраном вниз, но через минуту любопытство пересилило. Я поднесла телефон к уху и услышала его голос — низкий, чуть хриловатый, с этими его интонациями, от которых у меня сердечко начинало набирать обороты.

«Моя любимая львица, — сказал он, и я сразу поняла, что он улыбается, я прямо видела эту его наглую улыбку перед

глазами. — А ты чего уже битый час мне что-то печатаешь или наговариваешь? А мне ничего не приходит. Ты там, случайно, не перегрелась на солнце?»

А потом он захохотал. Так дико, так заразительно, что у меня внутри всё перевернулось — от злости, от обиды, от этого дурацкого притяжения, которое я не могла контролировать. Я покраснела сильнее, чем за всё время на пляже, отложила телефон и больше не брала его в руки. Со стороны я, наверное, казалась полной дурой — взрослая тётенька, а веду себя как школьница при первой любви.

— Вот ещё, — буркнула я в пустоту и уставилась в потолок.

Через некоторое время мне принесли еду. Я заказала её в апартаменты, потому что спускаться в ресторан и встречаться там с Ириной, которая наверняка бы заметила моё растрёпанное состояние, мне совсем не хотелось. Да и после сегодняшнего я выглядела так, будто меня как курицу потоптал петух. Да и загорела чересчур сильно, несмотря на все кремы, щёки горели, а под глазами залегли тени от бессонной ночи и бурного дня.

Я уже приготовилась насладиться заслуженной вредной едой — жирной, с холестеринчиком, такой, после которой на душе становится тепло и спокойно. Я люблю вкусно покушать, и стесняться этого не собираюсь. Поэтому я заказала сочный стейк с кровью, картошку фри, сырный соус и десерт, о котором даже думать было вредно.

Но когда я открыла поднос, меня ждал сюрприз.

Вместо стейка — какой-то лёгкий салат из зелени, оливок и, кажется, кинзы. Вместо картошки фри — варёная куриная грудка. Вместо сырного соуса — кусочки каких-то диетических сыров. И вместо сладкой газировки — странный сок, явно не свежавыжатый фруктов, а из тех, что пьют пенсионеры после утренней гимнастики.

Я замерла. Потом заметила маленькую записку, аккуратно сложенную треугольником и лежащую на салфетке. Я развернула её.

«Дорогая моя любимая львица. Я увидел, что ты заказала, и решил немного позаботиться о твоём здоровье. В твоём возрасте о нём надо задумываться. Люблю, целую. Твой Антон».

Я сжала записку в кулаке и, кажется, у меня из ушей пошёл пар. Как он узнал, что я заказывала? Как он вообще перехватил мой заказ? Он что, договорился с кухней? Подкупил персонал? Или просто пришёл и заявил: «Для Веры Батьковны готовим отдельно, я лично проконтролирую»?

Я представила его наглое лицо, представляющегося на кухне, и меня накрыло волной праведного гнева.

— Ничего, — сказала я себе, отодвигая салат и задвигая курицу куда подальше. — Ничего, Антоша. Ты ещё пожалеешь.

Я решила, что сегодня на свидание оденусь так, чтобы у него глаза повылазили. Не для него — для себя, чтобы на-

помнить, кто я есть на самом деле. Я пройду мимо, демонстративно откажу, щёлкну его по носу и уйду в закат. Он ещё узнает, как шутить с женщиной, у которой «климакс».

Я довольно потёрла ручки, как енот, который нашёл банку с вареньем, и забралась в свой небольшой дорожный гардероб. Платьев было не много, но я привезла с собой самое лучшее — то, в котором чувствую себя женщиной, а не просто офисным работником.

— Посмотрим, кто кого, — прошептала я, перебирая кружево. — Посмотрим, кто кого.

И вот он — момент истины. Почти восемь, ну чуть-чуть больше, и я, вся такая красивая, захожу в лифт.

На мне красные плетёные туфельки на высоком каблуке — те самые, которые я купила ещё год назад и ни разу не надела, потому что не было повода. Сегодня повод нашёлся. Платье тоже красное — в некоторых местах прозрачное, с кружевными вставками, которые открывают ровно столько, сколько нужно, чтобы свести с ума, но не перейти грань вульгарности. Под ним красный балконет, полностью видимый сквозь кружево, который красиво поднимает мою пышную грудь. Низ платья чуть выше колена — плотный, непрозрачный, но до безумия обтягивающий. И под ним нет трусиков. Да-да, я решила просто убить его наповал своим видом. Пусть знает, с кем связался и кого назвал «старушкой с климаксом».

Красноту с лица и тела я умудрилась убрать — благо сей-

час дорогие средства творят чудеса, и моя загорелая кожа выглядела просто сногшибательно. Я выровняла волосы, уложила их мягкими волнами, сделала красивый макияж с дымчатым акцентом на глазах. Губы подчеркнула насыщенной красной помадой, чуть увеличив контур — они казались ещё полнее, чем на самом деле. А ещё я побрызгалась духами, которые купила когда-то в интим-магазине. Там их называли афродизиакон, пахли они ванилью и чем-то пряным, и я уже не знаю, действуют они или нет, но для уверенности — пусть будут.

В общем, вся такая красивая, я выхожу из лифта в холл.

Антоша сидит на диванчике — вальяжно раскинувшись, в простой тёмно-бордовой рубашке и джинсах, на ногах стильные мокасины. Он явно освежился после сегодняшнего дня, но даже в такой простой одежде выглядит так, что у меня перехватывает дыхание. Увидев меня, он подскакивает с места и честно признаюсь — открывает рот. Смотрит во все глаза, не скрывая восхищения.

Я чувствую себя победительницей. Довольная произведённым впечатлением, я делаю глубокий вдох и понимаю: сейчас я его щёлкну по носу. Сейчас покажу этому щенку, кто здесь настоящая женщина. Я делаю шаг вперёд, готовясь к своей коронной речи...

И тут откуда ни возьмись, сбоку подлетает Ирина.

Она хватается Антона за руку, что-то ему говорит, а потом поворачивается ко мне и радостно машет рукой:

— Верочка! Как ты вовремя вышла! Выглядишь сногшибательно! Я хотела познакомить тебя с Антошей!

Антон улыбается странной улыбкой — такой, от которой у меня внутри всё холодеет. Его взгляд говорит: «Ну и что будем делать, львица?». Я ещё не успеваю придумать ответ, как с моего фланга раздаётся голос, от которого у меня волосы встают дыбом:

— Ох, Верочка дорогая! Я не мог терпеть и решил приехать к тебе сам!

Я резко поворачиваюсь.

Ко мне несётся мужчина — с меня ростом, с усами. Очень взрослый, лет под шестьдесят, не меньше. Брюнет, но я сразу вижу, что он крашеный — где-то у висков проглядывает седина. Он подлетает ко мне, целует в щёку, потом в другую, потом хватает мои руки и начинает их расцеловывать с таким энтузиазмом, будто мы сто лет не виделись.

— Верочка, куда же ты исчезла? — говорит он проникновенным голосом, не отпуская моих пальцев. — Та ночь, которую мы с тобой провели, была для меня такой неожиданностью. Ты такая страстная, такая горячая... Я искал тебя везде и всюду! Как я рад, что я тебя нашёл!

Я настолько опешила, что не могу выдавить ни слова. Смотрю на него, как на привидение, а он улыбается и сжимает мои руки, явно не собираясь отпускать.

— Вера! — доносится до меня голос Ирины. — Это тот самый мужчина, про которого ты мне говорила?

Я поворачиваюсь к ней. Она сияет. Она явно рада, что всё складывается так удачно — подруга при полном параде, подруга с мужчиной, и этот мужчина так трогательно за ней приехал.

Ирина хлопает Антона по плечу и звонко объявляет:

— Антоша, а давайте все вместе поужинаем! Познакомимся поближе!

— Прекрасная идея! — восклицает усатый, вскидывая руки кверху с таким видом, будто ему только что вручили премию. — Верочка, ты же не против, если мы разделим вечер с твоими прекрасными друзьями? Я буду безумно рад!

Пока все вокруг восхищаются этим цирком, я наклоняюсь к уху усатого и шёпотом, стараясь, чтобы голос не дрожал, спрашиваю:

— Вы кто?

Он поворачивает ко мне лицо, и в его глазах — ей-богу! — стреляют черти. Хитрые, весёлые, очень довольные черти.

— Ну что ты, моя волшебница, — шепчет он мне в ответ, — мы же с тобой провели вчерашнюю ночь. Про меня ты всем рассказывала! Я навёл справки.

Я чувствую, как земля уходит из-под ног. Навёл справки? Кто он? Шпион? Частный детектив? Агент под прикрытием, который решил спасти меня от самой себя?

Но рядом уже стоит Ирина, которая смотрит на меня с надеждой и радостью. И Антон, который прожигает меня взглядом из-под нахмуренных бровей. И этот странный уса-

тый, который явно что-то задумал.

— Я только за, — слышу я собственный голос, такой спокойный, будто ничего не происходит. — Присоединяйтесь, ребята.

Я быстро стреляю глазами в сторону Антона.

Он мрачнее тучи. Клянусь, за эти двое суток я впервые вижу его таким. Не улыбается, не подкалывает, не смотрит с этой его наглой хитринкой. Он собран. Лицо его не выражает ровным счётом ничего — только каменное, холодное спокойствие. Он явно что-то обдумывает, что-то задумал, и от этого мне становится не по себе.

А потом он смотрит на меня.

Прямо в глаза.

Ей-богу, этот взгляд мог превратить меня в ледышку на месте. В нём нет тепла, нет той искры, к которой я успела привыкнуть. Только сталь и что-то ещё — то, что я не могу прочесть, но отчего внутри всё сжимается в тугой комок.

Не такой вечер я планировала.

Не такой.

И не так я собиралась ему мстить.

Совсем не так.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.